

Людмила ТИХВИНСКАЯ

«ИЗЛЕР, ИЗЛЕР, ИЗЛЕР...»

Придя в себя после преступления и долгого беспамятства, Родион Раскольников в трактире пролистывает подшивки газет. Что там есть об убийстве старухи-процентщицы? – ...«Излер, ацтеки, Излер, фу, черт!.. пожар на Песках, пожар на Петербургской – Излер – Излер – Излер – Излер...»¹

Кто сегодня слышал это имя: Излер? Но в Петербурге Достоевского, в 40-х–60-х годах XIX века Иван Иванович Излер был известен всем и каждому. Теперь о нем знают разве что всеведущие Google или Яндекс. Кликните там это имя – и сразу посыплются ссылки на знаменитостей, так или иначе его упоминавших: И.С. Тургенев и П.В. Анненков, Д.В. Григорович и М.Е. Салтыков-Щедрин, А.В. Никитенко в его «Дневнике», воспоминания И.И. Панаева и А.Я. Панаевой... Список известных имен на удивление огромен. Источники упоминаний самые разные, а порой и вовсе неожиданные. В ироническом романе А.В. Дружинина «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по Петербургским дачам», вышедшего в 1850 г. в двух номерах журнала «Современник», среди множества зашифрованных намеков на обстоятельства и людей тех лет легко угадывается воксал «Минеральных вод» и Излер, в те годы арендовавший это модное развлекательное заведение. Фланирующему по парку герою романа – за ним стоит сам автор – представляют поэта и журналиста Льва Ивановича Балдеева, который читает ему свое

стихотворное посвящение устройству гуляний: «Прихожу на праздник к чародею...»². «Чародей» – это Излер. «Поэт», как выяснили, спустя много десятилетий исследователи, – ни кто иной, как Н.А. Некрасов.

За два года до дружининского «Чернокнижникова» «Современник» уже уделял внимание излеровскому предприятию. Беспрецедентно уже само обсуждение развлекательного заведения на страницах серьезного и передового литературного журнала. Но еще удивительнее сам жанр публикации – почти десятистраничная подборка газетных рецензий о загородном гулянии: все, одна к одной, «восторженные оды в прозе, горячие дифирамбы, поэмы», в которых г. Излер являлся «в колоссальных, гомерических размерах». Здесь же были перепечатаны из «Литературной газеты» куплеты, исполненные на бенефисе Излера знаменитым цыганским хором Васильева. Там были такие строчки: «Хвала тебе, наш Излер благородный / Несчастных друг и друг честных людей / Хвала тебе! Ты в памяти народной / Останешься на память наших дней».

Публикация была предпринята в качестве курьеза, «для того, чтобы рассмешить наших читателей»³ несоразмерностью хвалы и объекта восхваления. Но когда редактор (видимо тот же Дружинин, один из идеологов тогдашнего «Современника») комментировал текст куплетов, чувство юмора его покидало, и он впал в праведный гнев. «Уж это перестает

¹ Достоевский Ф.М. Собр.соч. в 10-ти т. Т. 5. М., 1957. С. 167.

² Целиком эти стихи почти не известны – в эстрадной литературе приводится только первая строфа: «Прихожу на праздник к чародею, / Тьма народу там уже кипит. / За затеей хитрую затею / Чародей пред публикой творит». Два последующих куплета обычно опускаются. Любопытно было бы их напомнить: «Всё в саду торжественно и чудно, / Хор цыган по-старому нелеп, / Что же мне так больно и так трудно, / Отчего угрюм я и свиреп?... / Уж не жду сегодня ничего я, / Мой восторг истрачен весь давно; / Я могу лишь воспеть героя – / Как в нем все велико и умно! / Он Протей! Он истинный художник! / Как его проказы хороши! / И артист, и барин, и сапожник – / Все найдут здесь пищу для души!

³ Кстати, и стихотворение Некрасова, которое приводят как панегирик Излеру, на самом деле весьма двусмысленно: трудно сказать, чего здесь больше – восхищения или скрытой издевки.

Pro memoria

быть забавным... Пушкин мог, обращаясь к Кутузову – сказать, что он останется в памяти народной, Батюшков мог сказать тоже самое о Карамзине... но писать, печатать и петь торжественно, во всеуслышание, стихи к содержанию кафе-ресторана, какой бы он ни был честный и бескорыстный торговец... это уж из рук вон!». Возмущение Дружинина можно понять: газетчики восхваляли торговца и увеселителя куда больше, чем, к примеру, Гоголя или Тургенева. Однако дело было не в газетчиках. Они в данном случае лишь рупор рядовых петербуржцев, которые, как это ни странно (впрочем, именно сегодня это, может быть, и не покажется странным) в те годы знали и ценили Излера куда больше, чем великих людей русской литературы.

Так кто ж такой этот великий Излер?

С начала 40-х Излер держал на Невском одну из лучших кондитерских. Там «безвыходно сидела публика». Выкупив предприятие у прежнего хозяина Амбиеля, где начинал мальчиком-гарсоном (а вскорости, старшим гарсоном)⁴, он превратил его в одно из самых модных мест столицы. В статье-фельетоне «Отчеты по поводу Нового года», напечатанной в «Литературной газете» – обзоре литературы и журналистики за 1844 г. – тот же Некрасов, рассуждая о «Листке для светских людей», писал, в частности: «Недавно какой-то господин, разговорившись со мной о “Листке”, (мы, как люди светские, то и дело говорим о нем) утверждал, что “Листок” похож на провинциального франта, который побывал в Петербурге, т.е. посещал Александринский театр, Излера

и прогуливался по Невскому проспекту шесть часов в сутки»⁵. Некрасов и сам, и с компанией молодых «современниковцев» нередко засиживался у Излера за ужинами.

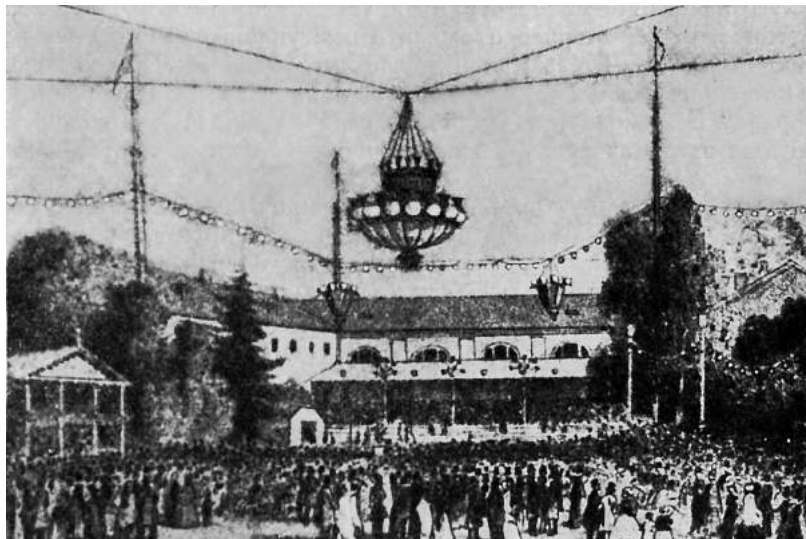
В кондитерской Излера было вкусно, уютно и весело. Он был толковым предпринимателем и, что называется, артистической натурой. Купеческую расчетливость не в малой степени питал художественный азарт. Излер был большим выдумщиком – меню-афишки при входе и на столах слагались в забавных стихах, смешными именами награждались... пирожки, в которых обыгрывались названия дней недели. Ухватистый и ловкий, он был в курсе всех новостей в кондитерской индустрии – любая новинка тут же попадала на его прилавки.

16 ноября 1845г. он подал заявку на изобретение (и получил патент за № 307) «Машины для приготовления мороженого». Машина Излера точь в точь походила на «ручной фризёр», придуманный незадолго до него американкой Нэнси Джонсон из Филадельфии, который состоял из двух обыкновенных кастрюль: большая набивалась льдом, в меньшую которая в нее вставлялась, клали вперемешку сливки, фрукты, орехи, шоколад, даже лепестки цветов и крутили вращающуюся ручку, увеличивая скорость. Взбитая в этом «миксере» на холоде сладкая масса и была мороженым. Вряд ли Иван Иванович слишком смущался тем, что его изобретение до него уже было изобретено. Закон об авторском праве тогда не был суров, да и Америка далеко.

В 1848 г., вдобавок к кондитерской, он на десять лет берет в аренду Воксал «Искусственных Минеральных вод».

⁴ Что говорит о том, что был смышлен уже с детства. Впрочем, его склонность к кондитерскому делу, скорее всего, наследственная. Большинство знаменитых кондитеров в Петербурге – Вольф, Беранже, Доменик Риц-а-Порта – выхождцы из Швейцарии, откуда родом и его родители. Настоящее имя Ивана Ивановича – Иоганн Людвиг.

⁵ Некрасов Н.А. Собр.соч. в 8 т.т., т. 5. М., 1966. С. 437.

Заведение «Искусственных Минеральных вод» существовало в окрестностях Петербурга уже довольно давно. Мода устраивать увеселения «на водах», начавшаяся еще в конце XVII века в Англии⁶ и распространившаяся по всей Европе, начала добираться до России еще при Петре. В начале XIX века «весь Петербург» проводил время на «липецких водах». А в 1834 г. известный врач Ю.Ф. Арнштедт с помощью выведенной им химической формулы начал промышленное производство искусственной минеральной воды и выстроил лечебницу на землях графа Строганова в начале Новой Деревни у Черной речки. «Искусственные воды заменяли в этом парке природные ключи Карлсбада, Киссингена, Эмса, Бадена и прочие, не для всех доступные»⁷. Для привлечения и развлечения публики там начались концерты и балы. Концертный зал и освещенный иллюминацией парк стали называть воксалом – слово, переделанное с «Воксхолл» – первого увеселительного сада в

Англии. «Угощение, освещение, музыка, два оркестра. Все было очень прилично и хорошо... надеюсь, что эти балы, напоминающие немецкие воды, подержатся»⁸, – писал в 1835 году сенатор, глава почтового ведомства К.Я. Булгаков. Но посещения балы как-то хило. Поначалу, правда, возникла было среди светского общества мода ездить на Минеральные воды, вроде того, как лондонцы делали променады на Риджент-сквер. Кто-то еще помнил, как блистательные экипажи, вершники и пешеходы толпились по несколько раз в неделю на лугу перед заведением около «превосходного хора кавалергардской музыки». Но от тех удовольствий осталась лишь память – лечебница с воксалом к тому времени опустели. И Акционерное общество, которому принадлежали «Минеральные воды», стало думать о человеке, который смог бы предприятие поднять. Этого человека не пришлось долго искать: таких людей и тогда (да и впоследствии тоже) были единицы. К этим немногим

Воксал «Искусственных Минеральных вод» в Петербурге

⁶ «В 1685 году в декоративном парке, с беседками, мраморными бассейнами, разбитом вблизи источника, согласно легенде исцеляющего все недуги, некий Том Седлер открыл два концертных зала. В одном исполнялись фрагменты опер Перселла, Люли, органные пьесы Локка. В другом публику развлекали акробаты, эквилибристы, канатные плясуны. А однажды привезли даже каннибала. Зал был переполнен». Хайченко Е.Г. «Великие романтические зрелища». М., 1996. С. 39.

⁷ Домоседов И. «Петербург заречный». Русский иллюстрированный альманах. СПб, 1857. С. 147.

⁸ Булгаков К. Я. «Из письма к брату». Русский архив. 1904.

принадлежал и Излер. За год перед тем, как получить предложение от хозяев «Минеральных вод», он уже устраивал два благотворительных музыкальных вечера на вилле Тиволи, что на землях Кушелева-Безбородко. «Образованная публика» приглашалась туда бесплатно, но «кому было угодно», могли пожертвовать что-либо при входе в поставленные там кружки в пользу осиротевших от холеры бедных семейств. Бесплатные вечера неожиданно оказались выгодны коммерчески. Однако здесь Излер обнаружил дар не только к добыванию денег, но и к управлению зрелищным делом. «И в общем решении, и в мелочах все глядит изумительным порядком, приличием, комфортом и даже роскошью. А за всем тем мы положительно знаем, что изобретатель и устроитель всего этого только один Излер»⁹.

Сложенные искусным архитектором развалины и гроты графского парка он расцвел иллюминацией. Радужные блики фейерверков пробегали по заросшим мохом и плющом «старым камням». На фоне этой сочиненной древности играл

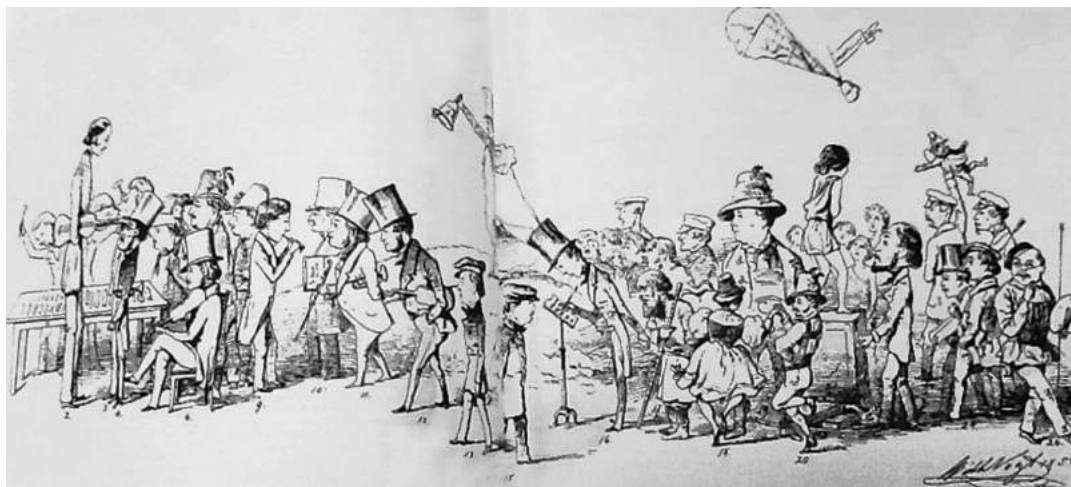
современные музыкальные пьески блистательный Хор трубачей Кавалергардского полка.

В «Минеральные водах» универсальный дар нашего героя развился и раскрылся в полной мере. Он взял на себя управление всем хозяйством – от «гастрономической части» до приготовления празднеств. «Главный эконо и распорядитель заведения, наш известный Иван Иванович Излер всем там управляет», «он изобретатель всего, что вы там увидите»¹⁰. Умелый и толковый, он заново обустроил старый воксал и запущенный парк, «перещеголяв в роскоши и комфорте своих старших собратов Париж, Вена и Берлин». Заново «омеблировал» и украсил концертный зал и ресторан, пустив по потолку иллюминацию разноцветными матовыми фонарями, а по стенам искусственный плющ. Увеличил оконные проемы в столовой бывшей лечебницы. За свободно расставленными столиками, напоминавшими обстановку парижских кафе, «сидят пестрые группы дам и кавалеров», любясь фантастическим зрелищем ночного сада.

⁹ «Современник», 1848. Т. X, отд. IV. // Современная смесь. С. 129.

¹⁰ Губерт К. «Гуляние на Искусственных Минеральных водах близ Новой Деревни в Санкт-Петербурге», СПб, 1852.

«И.И. Излер со своими артистами, в 1852 году»

«Через крыльцо вы выходите в сад. Остановитесь минут на пять и окиньте взором весь ансамбль иллюминации. Какая роскошь огней! Какая гармония в целом, с каким вкусом, с каким художественным тактом подобраны переливы света! Далее направо и налево блещат в переливах огня арки, а за ними бездна огней, огней и огней, до того в разнообразных и разноцветных фонарях, фонариках и шкаликах, мастерски размещенных, что глаза не знают, где остановиться: везде прекрасно... Над серединою же площади сада как метеоры плавают огненные шары, и к центру превращаются в большую, прекрасно иллюминированную люстру, и все это колеблется от дуновения легкого ветерка. Очарование, в котором принимала участие даже луна, кидавшая на все свой бледный чудный свет! Левей хор трубачей Кавалергардского полка играл премиленькие вещи, дальше в глубине пели хоры Жуковских песенников, еще подальше комедианты, арлекины и прочая их многолюдная братия...; подальше плясали на канате, а по бокам какие-то атлеты кувыркались, прыгали и потом в соединении представляли пирамиды и другие гимнастические упражнения. Все решительно дорожки этой стороны сада были чуть не на каждом шаге обставлены разными скоморохами, потешниками, музыкантами-самогудами и т.п. Тут же были кукольные комедии, марионеты, механические подвижные фигуры; наконец, на пруду беспрерывно разъезжали гондолы, превосходно иллюминированные и наполненные музыкантами, певцами, шарманщиками и проч. Судите теперь о чудной пестроте этого гуляния, соединившего

в себе столько предметов к удовольствию, потехе и увеселению, что не знаешь где остановиться!»¹¹

Отзывы, подобные этому, сплошь в восклицательных знаках, будут сопровождать весь, почти десятилетний, путь излеровских «минерашек».

В пору невероятной излеровой славы, (в немалой степени обаянной усилиям – чаще всего, увы, оплаченным – присяжных журналистов), которая пришлась на самый конец 40-х – середину 50-х, его называли «основателем общественных развлечений» в России. Это и так, и не так.

Задолго до того, как Излер обосновался в воксале Минеральных вод, в окрестностях Петербурга и на островах уже много лет угощали и развлекали петербургскую публику и «Вилла Боргезе», и «Королева дача», и «Тиволи» – воксал в парке графа Кушелева-Безбородко в Полюстрове, названный в честь развалин в саду, и старейший Екатерингофский воксал, и знаменитый Павловский, и прежние «Минеральные воды», наконец. А вдобавок к ним «Кулерберг» на Крестовском острове, «Русский трактир» в Крестовском саду, гостиница «Любек» на Петровском острове, легендарный «Красный кабачок»...

Но к 1847 году все они как-то увяли и захирели. «Судьба наших загородных гуляний презамечательная! Все они живут какою-то нервной, преемственной друг от друга и вместе эфемерною жизнью. Странное дело! У нас нет ни одного загородного гуляния, которое хотя сколько нибудь могло бы рассчитывать на продолжительный успех. Новые гуляния возникают у нас каждый год... Но

¹¹ Там же. С. 130.

Pro memoria

вот прошло, лето, другое – стулья стоят без посетителей, музыканты играют перед пустыми стульями... Давно ли Павловский вокзал был постоянно битком набит публикой? Давно ли бесконечные поезда вагонов едва успевали перетаскивать за тридцать верст от Петербурга желающих слушать Гунгля? И что же! Не прошло с тех пор и четырех лет, как в Павловске не осталось и десятой доли прежних посетителей. Гильман только что успел сыграть два, три сентиментальных Лендлера и развесить несколько разноцветных фонариков, Фус едва лишь дощелкал свой соловьиный вальс, как «павловцы» уже пожаловали на Королёву дачу. Неизвестно, долго ли удержала бы Королёва у себя своих гостей, если бы в том самом году... не погиб Леде. Этот несчастный, как Прометей, погиб жертвою если не всеобщей пользы¹², то, по крайней мере, всеобщего удовольствия¹³

Немец Шиндлер, один из лучших дирижеров подгородных оркестров, одно время его приглашали и в Павловск, и в Королёву дачу, «когда уменьшение публики на Королёвой даче дошло до крайних пределов», вынужден был даже взяться за последнее средство – устройство лотереи: купив билет в 50 копеек, дамы могли выиграть горшок с цветами или букет.

Излер в подобных унижительных приманках тогда не нуждался. Публика к нему валила толпами – пешком, на омнибусах, «ваньках» и в каретах, приплывала на катерах по Неве – набивалось до восьми тысяч, почти «весь Петербург». На протяжении десяти лет «Минеральные воды» бывали единственным центром, куда стекалась публика со всех

концов «гранитной столицы»! Чем брал он? Конечно же, первоклассная кухня, изысканные вина, вся, какая-то особенная, излеровская, ладность дела, явленная в удивительном порядке, «полном благочинии», комфорте и роскоши¹⁴.

Но что касается всяких забавников и развлекателей, иллюминаций и фонтанов – то их можно было видеть и в других загородных увеселительных заведениях. Тот же Кавалергардский хор трубачей, те же тирольцы и цыгане Ивана Васильева с солистками Любашей и Матрешей, канатоходцы, акробаты Вейнерты, арабы-кабилы. Даже полет на воздушном шаре знаменитого Берга или Гаэтано Ферме, – «господин в узеньких панталонах и черной триковой мантии», объявивший, что будет летать «верхом на лошади»¹⁵ – один из главных излеровских аттракционов – тоже не принадлежал исключительно «Минеральным водам». В заведении «Мон плезир» в это же время совершал путешествие на большом шаре «Орел» воздухоплаватель Жермани. Словом, всё то же и все те же. Разве что само количество удовольствий и развлечений у Излера по-купчески чрезмерно, разнообразие – «слишком разнообразно»: если фонтаны – то гигантские потоки «живой воды»; если шарманщики, гудошники, дрессировщики – то в неисчислимых, гомерических количествах, на всех аллеях, на каждой тропинке; если фейерверки – то неиссякаемым каскадом, превращавшие ночь в день. «Целые наводнения разнообразных удовольствий» – как заметил один из присяжных излеровских дифирамбистов.

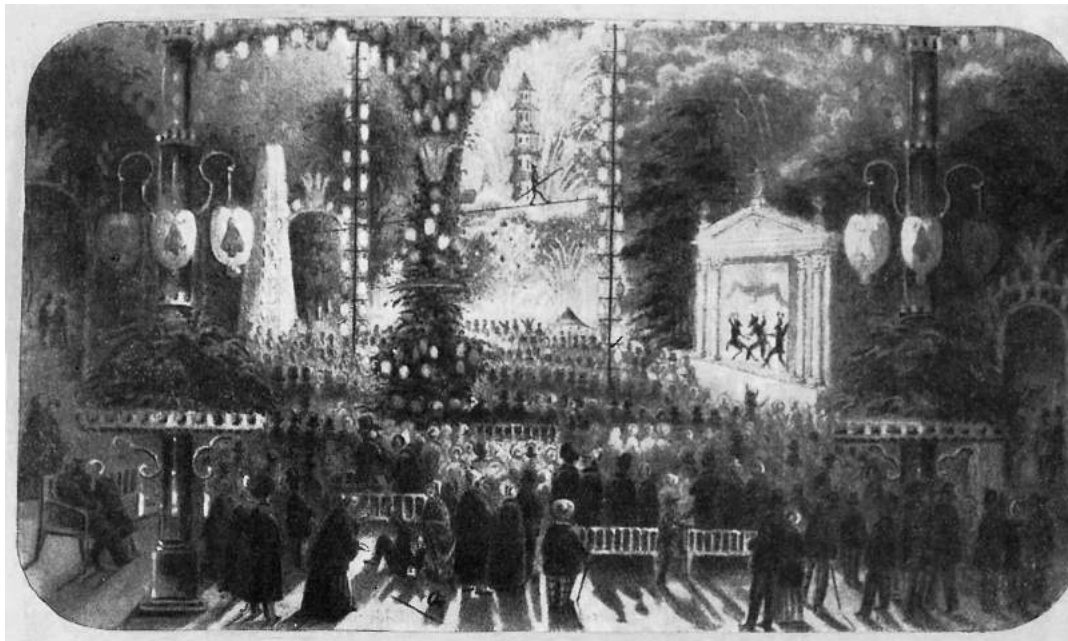
Но в чем же тогда состояла особенность ни на что другое не

¹² А если еще точнее: жертвою рекламы. В афише было заявлено, что канатоходец Леде пройдет по канату верхом на лошади. И зрители повалили на опасный аттракцион. Эту рекламную фишку, на самом деле жульническую, запускали многие канатоходцы. Жульничество заключалось в том, что лошадь была муляжом – акробат «ехал» на ней как на детской игрушке. Негодующей публике на открывавшийся обман отвечали, мол, нигде и не говорилось, что лошадь будет живой. Но, несмотря на жульничество, трюк был и сложным, и опасным, что доказало падение Леде.

¹³ «СПб ведомости», 1849, № 136. С. 551.

¹⁴ Разумеется, важную роль играла и мастерски организованная реклама, по части которой Излер тоже оказался большим умельцем. Его афишами были обклеены все городские тумбы, а зачастую и стены домов.

¹⁵ Как и в случае с канатоходцем Леде, лошадью служил муляж, за что воздухоплавателя, после приземления, чуть было не поволокла разъяренная обманом публика, которая, впрочем, неизменно попадалась на эту удочку.

похожих вечеров Излера? Что ставляло «тайну» недавнего кондитера, кого щедрые газетчики осыпали эпитетами в превосходных степенях: «страшный выдумщик и затейник», «волшебник» и «чародей», знавший «тайну, как заставить веселиться петербургскую публику»?

Воксальные увеселения «Искусственных Минеральных вод» журналисты хором называли «поэмами», а их устроителя – «поэтом». И в данном случае, в том не было большого преувеличения. Обычные для загородных увеселений музыкальные вечера с цыганами, тирольцами, акробатами и иллюминациями, благодаря усилиям Излера, на Минеральных водах превратились в фантастические парковые зрелища.

Первым праздником, сразу ошеломившим Петербург, в 1848 г. стало феерическое представление

по арабской сказке из «Тысячи и одной ночи». «Только поэтическое воображение могло осуществить эту волшебную ночь, только один Излер мог близ Новой деревни устроить по сказочному в каких-нибудь день-два роскошный уголок Востока, полный удивительного разнообразия, гармонии, изящества и блеска»¹⁶. Восточный стиль поддерживали тянущиеся вверх купола минаретов, подсвеченные «знойным» колером иллюминации; разные «чудеса фантастории, радужные превращения в виде магических фейерверков». По пруду, залитому огнями иллюминации, разъезжали суда с «турками». Обряженные по-восточному, творили в ночных аллеях свои чародейства фокусники и мнемотехники; оливковые торсы и шаровары мелькали в трюках акробатов – и настоящих «арабов кабилы, совершавших свои

Представление на эстраде в Саду «Искусственных Минеральных вод». С цветной гравюры «Излеровские вечера». 1853

¹⁶ «Современник». С. 131–132.

Pro memoria

энергические и полные дикой жизни скачки с острыми кинжалами и пальбою в цель из пистолетов», и загримированных под арабов европейцев; уличные певцы и музыканты – все сразу превратились в жителей экзотического юга. Оркестры наигрывали ориентальные, разумеется, мелодии, а дирижеры Гунгль и Шиндлер были в чалмах. «Даже те люди, которые зажигали обширную иллюминацию, были костюмированы соответственно названию ночи». Излером «обдумывалась всякая безделка»: ночь «так полна востоком и волшебством, что даже напитки и лакомства были чисто восточные»¹⁷.

Вслед за «ожившей сказкой» Шехерезады причудливая фантазия Излера создает одну за другой ночи Венецианские, Неаполитанские, Римские, Натуральные русские ночи, Цыганские, Индийские, Крымские, ночи на Архипелаге и т.д., и т.п. В августе-сентябре 1849 года три «блистательнейших» вечера заключали летний сезон под названиями «Одного из садов Семирамиды», «Последнего дня Помпеи» и «Всё в один день». «Всё...» – это бенефис Излера – огненные водометы, искусственное восточное освещение в виде заката знойно-палящего солнца, «извержение Везувия», потоки лавы, хлопья пепла, шум стихий, ветер.

«Трудно собрать в одно столько ужасов, чудес, огня, музыки, фонарей, транспарантов, которые предстали перед нами на празднике, названном "Ночью в Венеции"»¹⁸, – писал репортер. «Трудно исчислить всю пестроту и разнообразие Венецианской ночи»¹⁹, – вторил ему другой. – Затеи без счету, очарования без меры. Кого и чего тут только нет: Цербер и Пиацетта,

обручение венецианского Дожа с морем, его дворец, огненные символические изображения и гирлянды; волшебный звездный храм, огненные картины; на пруду роскошно иллюминированные гондолы с музыкантами и гондольерами, один из которых пел очень миленькие баркареры»²⁰. Потом гондольеры начинали сражаться и их театрализованный бой перерастал в фантастическую битву «фейерверочных рыцарей». Завершалась Венецианская ночь представлением фокусника, «на носу, на палочке он держал аршина в полтора иллюминированный корабль, который стрелял и пылал огненным дождем»...²¹

...Здесь с каждым днем обстановка решительно ставит вас в тупик: что видели вчера, не увидите сегодня, минувшее прекрасное на завтра заменено еще лучшим. Всякая новость в числе петербургских развлечений принадлежит изобретательности учредителя праздников в здании «Искусственных Минеральных вод»²².

«Теперь загородных увеселительных мест около Петербурга не пересчитать... Родоначальником всех этих загородных увеселений надо почитать Излера. Он первый завел на Минеральных водах чудеса, которым путешественники так дивились за границей»²³. «В былые времена он умел устроить такие праздники, о которых до сих пор сохранились предания»²⁴, – писал журналист спустя годы, уже после того, как весь этот фантастический мир вдруг в одночасье рассыпался...

Здесь все же следовало бы сделать одно важное уточнение.

В неумеренных восхвалениях Излера газетчиками как-то в тень

¹⁷ «Северная пчела», 1852, 27 авг. С. 762.

¹⁸ «Литературная газета», 1848, 30 сентября. С. 625.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Северная пчела», 1852, 23 июля. С. 654.

²¹ «Современник». С. 127.

²² Там же.

²³ «Ведомости СПб полиции», 1853.

²⁴ «Северная пчела», 1861, 11 марта. С. 221.

уходила фигура человека, который в действительности и был подлинным творцом большинства этих фантастических зрелищ – Федора Карловича Вальца.

В начале 40-х Вальц служил в московском Большом театре декоратором и машинистом сцены. В 1849-м, через год после того, как Излер окончательно обосновался в «Минеральных водах», он переезжает в Петербург на должность театрмейстера и машиниста Театра-Цирка «с вменением ему, сверх того, в обязанность заведовать декорационными частями по всем загородным дворцовым театрам»²⁵.

И тут-то «ловкий оборотистый Излер», умевший «выбирать людей с талантом и фантазией», привлекает его к устройству своих волшебных ночей. Интуиция не подвела его и здесь. Вальц оказался именно тем человеком, с помощью которого ему удалось воплотить свои грандиозные замыслы. Вальц был не просто театральным художником-оформителем. Он, как писал о нем И.И. Соллертинский, «скорее походил на *homo universale* (универсального человека) в духе итальянского возрождения»²⁶.

Его, так же, как Излера, именовали не иначе как «чародеем», «магом и волшебником». Талантливый изобретатель-самоучка, он был и «хитроумным машинистом, и мудрым пиротехником и музыкантом», «не утратившим еще секрета театральных заклинаний огненной стихии и ничтожными кустарными средствами создающим на сцене грандиозные пожары и фигурные фейерверки»²⁷, изображавшие водопады и привидения; выстраивал великолепные залы с последующим их разрушением. Балетные и оперные спектакли, которые

Вальц оформлял в московском Большом театре, благодаря его особому дару и мастерству, превращались в «умопомрачительные феерии» с воздушными полетами, фантастическими превращениями и разного рода чудесами». А во время Великого Поста ставил на той же сцене «живые картины». Однажды он превратил сцену в фантастический волшебный сад с партером живых цветов в виде ковра с разнообразными арабесками. Среди этого цветника через все сценические люки появлялись танцовщицы в самых замысловатых костюмах. «Еще... как-то я поставил, – вспоминал уже сам Вальц, – в виде апофеоза географически – видовую картину. Во всю ширину сцены была устроена терраса из стеклянных рам. Это сооружение шло уступами к рампе, причем наверху били фонтаны натуральной воды и в виде кипящего водопада ниспадали по маршам до самого низа. Под стеклянными рамами, по которым бушевала вода, было устроено разноцветное электрическое освещение от батарей. Вокруг водопада во множестве были расставлены тропические растения»...²⁸

Этот-то волшебный мир – высокий стиль романтического балетного театра 30-х – начала 40-х годов – Вальц перенес – опустил – с подмостков императорской сцены на садово-парковую развлекательную площадку. Впоследствии подобные «волшебные ночи» он ставил и в Павловске, и в «Альгамбре». Но энергетическим двигателем подобного сближения был Излер, и в этом смысле его действительно можно назвать «родоначальником» новых идей в зрелищно-развлекательной культуре России.

²⁵ Соллертинский И. Предисловие к книге воспоминаний сына Ф. Вальца К.Ф. Вальца «65 лет в театре». Л., 1928. С. 13–14.

²⁶ Там же. С. 6–7.

²⁷ Там же. С. 62–63.

²⁸ Там же.

Pro memoria

Сами же идеи, разумеется, ему не принадлежали²⁹.

Излер регулярно бывал за границей – преимущественно в Англии и Франции. Он следил не только за кондитерскими новинками, но и за всем, что пользовалось успехом у публики и приносило доход тем, кто брал на себя труд их устроить. Разнообразные зрелищные удовольствия и, прежде всего, тот восхитительный мир волшебных превращений, которые Излер и Вальц старались привить в парковом пространстве петербургских окрестностей, Европа знала уже очень давно. За ними стояла старая разветвленная, идущая от Ренессанса и, прежде всего, английская традиция. Сады «Воксхолла» на Сюррейской стороне Темзы (которые еще с конца XVIII века взяли за образец российские «воксалы», превратив название лондонского сада в родовую принадлежность жанра), уже триста лет подряд предлагали посетителям прогулки по усыпанному гравием дорожкам «сквозь триумфальные арки мимо величественных строгих колоннад, искусственных руин, таинственных гротов к изящным куполообразным павильонам, концертным эстрадам, ресторанам»³⁰.

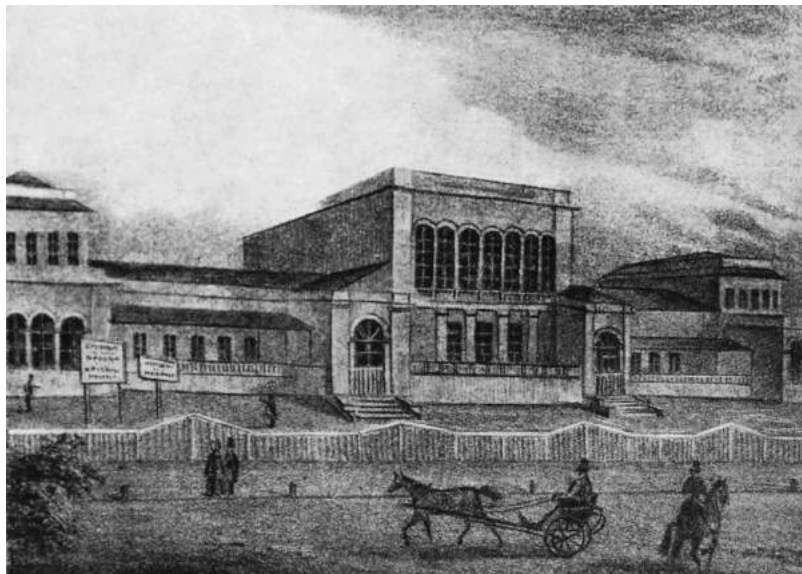
Но на нашей родной почве все эти чудеса расцвели только к середине XIX столетия – прежде всего благодаря Излеру. А за два десятилетия до устройства излеровских «поэм» в Минеральных водах у Черной речки, «Воксхолл» уже восхищал гуляющую публику то зрелищем извержения Везувия на фоне Неаполитанской бухты, то водопадами Вирджинии, то Венецией, по Большому каналу которой разъезжали гондолы с гондольерами, а на протянутом от купола св. Марка

«канате при свете шутих и петард» балансировал акробат.

Видовые «ожившие картины» лондонского «Воксхолла» разворачивались в многосложные парковые зрелища. Их создатели использовали самые современные постановочные приемы, выработанные театром первой половины XIX века. Разного рода живописные и движущиеся панорамы, диорамические конструкции, специальные поворотные экраны-светофильтры, последние открытия в сценическом освещении. С помощью новейшей театральной машинерии, и многообразных пиротехнических эффектов они воссоздавали известные события недавнего прошлого и настоящего. И достигали в этом неизменно поражавшей публику иллюзии подлинности. Вновь и вновь перед замиравшими от восторга и ужаса зрителями разыгрывалась то «Битва при Ватерлоо» – с ружейной пальбой, барабанным боем, артиллерийскими выстрелами, дымом, взрывами, победными криками и воплями гибнущих; то «Пожар в английском Парламенте». Рушились охваченные пламенем стены из рисованных под кирпич холстов, стрельчатая кровля из фанеры. И снова грохот, всполохи огня, тучи пепла, стоны жертв, зов о помощи, тревожное тремоло оркестра. Впечатления о «Пожаре Москвы», поставленном в «Воксхолле», записал немецкий путешественник: «Это Москва! Это Кремль! Звуки музыки и мольбы о помощи несутся из огня, звучат ружейные выстрелы, ракеты взрываются с ужасным шумом, рушатся стены, и на фоне этой тотальной разрухи появляется плохо одетая девочка в платье не по росту, которая, спасаясь, движется по канату на головокружительной

²⁹ Как, впрочем, и Вальцу. В Париже в 1847 г. российский путешественник видел балет на сюжет Пигмалиона, в котором «декоратор Камбон, произвел уже множество весьма удачных диорамических картин для разных театров; изобразил Севилью с романскими башнями, тяжелые ворота, мост. Прекрасный живописный эффект, Гранада, громы. . .» «Анненков и его друзья». СПб. 1892. С. 335.

³⁰ Хайченко Е.Г. Указ. соч. С. 14

Вокзал Петровского парка.
С литографии конца
1840-х гг.

высоте³¹. «Великие иллюзионные зрелища» не сходили с европейских театральных сцен и парковых пространств всю первую половину века. Потребность видеть мир в смятенных, драматических, даже катастрофических картинах отвечало психическому состоянию публики романтической эпохи, с ее обостренной нервностью, духовным смятением...

Излеровские визионерские «поэмы» «Минеральных вод», переняли всю целиком постановочную систему западных «романтических зрелищ» – от общих идей, художественного языка, до технических приемов, постановочных средств³², вплоть до прямого переноса – как это было в случае с «видовыми картинками» «Извержения Везувия», «Венеции» с ее неизменными гондольерами.

И все же в одном, самом существенном, от них отличались. В них не было сверхдраматической экспрессии, не было сцен тотального разрушения, изображенного, как

это было у англичан, с почти кинематографическим натурализмом, они не терзали нервы публики предсмертными стонами и мольбами невинных жертв.

Только ласкающие взор картины и виды, только чарующие слух звуки «вальса, ноттурно, увертюры» «волшебника» Гунгля или цыганки Любушки. Сцены битв, если и разыгрывались – то исключительно для заострения драматического сюжета. И к тому же совсем не страшные. В «Венецианской ночи» гондольеры не на шутку сражались веслами, словно мечами и пиками. Но лодки опрокидывались, и драчуны валились в воду под хохот публики. «Бой черных рыцарей» в «Неаполитанской ночи» «давался в виде огненных картин на фоне ночного неба... между прочими увеселениями». Бои рыцарей в золотых доспехах разыгрывали марионетки кукольного театра Шпоззи. А огненную лаву из жерла Везувия изображали непрерывным потоком струящиеся волны фейерверка.

³¹ Там же. С. 15.

³² Что не удивительно: Вальца посылали на стажировку в Брюссель.

Pro memoria

На бездонной черноте летнего неба эффект был восхитительным.

Причину этих различий следует искать, прежде всего, в характере публики излеровского воксала, в особенностях ее, отличном от европейцев, психическом строе.

Зрители «Минеральных вод» состояли, главным образом, из обитателей летних дач, которыми были усыпаны пригородные острова. Ни в каком другом городе России эти три-четыре летних месяца на природе не значили так много, как для жителей Петербурга. «Петербургское население, замкнутое в душной сфере механических работ, особенно чувствует необходимость в обновлении своих легких свежим воздухом, запахом полей, напоминающих не одному труженику покинутое деревенское приволье»³³. В «Преступлении и наказании» причина этой «необходимости» описана не так поэтично: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня... пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможность нанять дачу... Нестерпимая же вонь из распивочных... и пьяные, поминутно попадавшие, довершили отвратительный и грустный колорит картины»³⁴. Ни один город России не знал подобного массового исхода весной за город. Нигде сезонный выезд на природу не превращался, как здесь, в зрелищное действие едва ли не сакрального значения. «Каждый год появление торговых березовыми почками на улицах Петербурга дает жителям сигнал к переселению..., тянутся по Мойке и Фонтанке барки, груженные домашним хламом, пароходы пенят колесами Неву, целые поезда из подвод, телег движутся

по направлению весенних роц и лесов»³⁵. «На Невском проспекте возле Гостиного двора вереницей стоят гостеприимные ящики на колесах, открытые для всех и каждого – по-латыни *omnibus*. Такие транспорты всех цветов – синие, желтые, зеленые, кирпично-красные – все назначены для заречных дач, пестрого летнего кочевья. Вот возница, загорелый, как флорентийская бронза, вскарабкается на козлы, и тройка поджарых бегунов двинется тряскою рысцою с веселым караваном»³⁶.

При том, что дачное жилье, как его описывали авторы очерков о петербургской жизни тех лет, и позднейших дневников и мемуаров отнюдь не походило на элизий. Жалуются на «ужасную публичность». «При тесноте, с какою низаны здешние домики, в Новой Деревне живет как в фонаре. Без всякого любопытства с вашей стороны вы из своего карточного домика имеете возможность и полное право видеть и слышать все, что делается в соседнем домике, а равно не можете лишать права и соседей созерцать вас самих в вашем жилище во всякое время, когда им придет охота»³⁷ ... «Из одних только обидных прозвищ дачных строений г. Даль может составить целый лексикон – карточные домики, приюты флюса, резервуары ревматизмов, отрада гробовщиков, услаждение врачей, балаганы тщеславия, клеточки для всякой мизерности»³⁸, – язвил Дружинин.

Жалуются на природу, которая «с трудом производит веники, как говаривал покойник Грибоедов». Жалуются на петербургскую погоду – на снег «еще в июне» и «уже в сентябре», на шубы и теплые пальто «даже в июле». В «Минеральных

³³ Домоседов И. «Петербург заречный» // Русский иллюстрированный альманах. СПб., 1857. С. 140.

³⁴ Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 6.

³⁵ Домоседов И. Указ. соч. С. 146.

³⁶ Там же.

³⁷ «СПб ведомости», 1849, 17 мая. С. 427.

³⁸ Дружинин А. В. Собр. соч. в 8-ми т. т. Т. 8. С. 675.

водах» ходила шутка: «Где придется нам нынешним летом дрожать от холоду, в Венеции, в Неаполе или каком-либо другом итальянском городе?»

Впрочем, постоянная ворчливость дачных жителей на неустрой – скорее дань петербургской традиции, нечто вроде ритуальной божбы. На самом деле, это самое счастливое время, которого с нетерпением ждали целый год... «В “сплошной колонии домиков” свои неизменные обитатели, свои удовольствия... свои привычки, но вообще в них группируется легкая веселость, которая не любит, не может уединяться»³⁹. И без усталости бранимые природа и погода – «зима летом», и скучность быта туземного сообщества с проницаемыми стенами картонных домиков, разомкнутых природе и соседям, придавали дачной жизни какой-то веселящий, почти карнавальский характер. «Говор, сигарный дым, пыль от дрожжек, бродячие квартеты, задушевный смех, доморощенные вариации на разные оперы, отголоски цыганских песен – все это придает колонии какую-то радужную, открытую физиономию... Колония эта – Новая Деревня». Жили праздно и празднично, в блаженной бездельности, благодущии, беспечном вкушении радостей жизни... «После обеда, за которым небо и желудок наслаждались преимущественно шпинатом, спаржей, цветной капустой и прочими дарами растительного царства, составляли планы вечеру...

Утро... разносчик газет снует из дома в дом, где завернет в прихожую, кинет листок в окошко, где заткнет за колокольчик... Его ждут в полутораэтажных домах, после парного молока и исландского мха. Но как читать? Когда всевозможные звуки

под окном беспрестанно развлекают внимание?

— Сита, решета хороши! – распевает носовым тенором белорус, – сита, решета!

Любознательный читатель откладывает газету и высовывается из окошка, как будто никогда не видел ни решета, ни сита: «А ты, братец, из Витебска?» «Витепские, господин, витепские, купите, господин, сито».

Юный сын Авзони, бронзовый от солнца, черноглазый с черными как смоль и всклокоченными как пенька кудрями, угощает слух шарманкой, в которой вертятся кавалеры и дамы под арию из «Севильского цирюльника» и очевидно любят себя перед зеркальными стенками своей залы. И покуда мартышка, закованная как негр, ежится на гармоническом ящике, итальянец выводит песню, украденную у влюбленного соловья...

Но вот одиночное дребезжание шарманки покрывается заморским квартетом, прибывшим усладить ваш слух с тем самым пароходом, который привез апельсины и устрицы в угоду вашему желудку»...⁴⁰

Ночные «поэмы», которые сервировали для этой публики «маги и чародеи» Вальц и Излер, завершали этот нескончаемый праздник жизни, каждым вечером венчали его, подобно взрыву финальной ракеты.

Вряд ли «туземному обществу» петербургских островов пришлось бы по вкусу зрелища вроде брутальных спектаклей «Воксхолла», attraction которых строилась не только на том, что картины разрушения и гибели людей были изображены с непостижимым правдоподобием, но и на том, что сам восхитительной красоты мир, который рушился на

³⁹ Домоседов И. Указ. соч. С. 156.

⁴⁰ Там же.

глазах публики, обладал поражающей достоверностью.

Примечательно, что в изображенных Вальцем «венецианских», «неаполитанских», «восточных», «крымских» картинах «географически-видовой точности» не было. Каждая из картин была лишь образом, фантастическим видением на «венецианскую» ли, «неаполитанскую» или «индийскую тему». Наиболее пронзительные журналисты, описывали ночные «поэмы» «Минеральных вод» как сновидческие миражи. «Все это вы видите как будто во сне». «Мы видим сон, чудесный, волшебный сон, выхваченный на выдержку из сказок Шехерезады»⁴¹. Кто-то сравнивал эти зрелищные картины чуть не с наркотическими миражами: «Еще прием опиума, еще прекрасный сон, и еще грезы наяву»⁴².

Входя в парк, публика сразу оказывалась внутри этой «грезы наяву», словно переступала границу армиды сада, превращалась в ее персонажей, окрашенных фантастическим сиянием. «Вдруг раздался выстрел ракеты, за ним вспыхнули щиты и, как алмазы, переливаясь в миллионы красок, осветили любопытные лица. Взрыв, другой, третий и тот же залп звука, и тот же поток огня. Лица то бледные, то розовые при зеленом и розовом свете роскошных киатинов, мелькают, улыбаются»⁴³.

И мало дела публике до того, что эта греза всего лишь садово-парковое зрелище, сооруженное с грубым простодушием китча. Что соловей, разливающийся в кустах романтическими руладами, всего лишь деревенский умелец, за рубль нанятый на ночь Излером. Что роскошную природу Востока изображает нарисованная на куске

холста пальма, фанерный минарет и привязанный к ветвям парковых деревьев дощатый купол, расписанный «под восточное небо» иссиня густым колером с луной и звездами.

Впечатление волшебства и нереальности усиливали зеркала, составленные Вальцем по парку. В их отражениях бутафорская природа и природа живая, освещенные лишь вспышками фейерверочных залпов, почти не различались. Природа и искусство сталкивались, подменяя друг друга. Искусственное – оживлялась, подлинное приобретало условность театрального знака. Таким образом, незамысловатые парковые зрелища для увеселения петербургских дачников оказывались в контексте современной эстетики: новый принцип художественной иллюзии был предметом постоянных творческих усилий людей искусства первой половины XIX века.

Афиша эстрадной программы Сада «Искусственных Минеральных вод». 1854

⁴¹ «Северная пчела», 1852, 16 июля. С. 630.

⁴² «Северная пчела», 1852, 14 августа. С. 725.

⁴³ «Северная пчела», 1852, 16 июля. С. 630.

Современность стиля парковых зрелищ бессознательно чувствовали и зрители, подтверждая ее долгодетней привязанностью к «Минеральным водам». Осознавала и критика, когда замечала: «Дело в том, что Излер ловит современность и улавливает сею удочкою тысячи посетителей...»⁴⁴.

Ощущала публика и еще одну черту современности «волшебных ночей». Ту, которая выростала из российской жизни конца 40-х – начала 50-х. Примечательно, что расцвет «Минерашек» с календарной точностью укладывается в период с 1848-го по 1855-ый годы, хорошо известные как «удушающее семилетие реакции». «Эпоха сонная, неподвижная и затхлая. У Излера франты в светло-кофейных штанах так медленно жуют расстегаи. По Невскому так сонно шагают бекеши»⁴⁵, – писал К. Чуковский об этом времени. «Мрачная година... мрачное настоящее уныние, овладевшее всеми»⁴⁶, – вспоминал один из «современниковцев» М. Лонгинов.

Оппозиция «город–природа»: гранитный холод столицы, тусклая повседневность, затянутая в казенный мундир официоза – и вольная воля полей, садов и роц всегда жила в подсознании северной столицы. Но после 1848 года она заострилась растерянностью и страхом, вызванными политической жизнью тех лет.

«Волшебные ночи» излеровских Минеральных вод в зрелищной жизни рубежа 50-х оказались едва ли не единственным ответом на бессознательный импульс петербургского обывателя уйти, сбежать, скрыться от «давящего кошмара николаевской эпохи». От Петербурга тех лет с его мрачными зрелищами, вроде театрализованной казни петрашевцев, которую

поставил на Семеновском плацу в январе 1850 года первый режиссер Империи. Иллюзорный мир фантастических зрелищ утишал страхи, усыплял тревожность, дарил веселье и радость. Потому так понятна нежность, хотя и с оправдывающей ее иронией, которой окрашены строчки воспоминаний о давнем-давно позабытом Излере и его «Минеральных водах».

Впрочем, напряжение не оставляло публику и здесь. Оно обнаруживалось в той ненасытной жадности, с какой она поглощала излеровские развлечения. Оно прорывалось в лихорадочной, запредельной, надсадной восторженности, подозрительно походившей на нервное расстройство, что заметил и ядовито высмеял Дружинин в «Путешествии Чернокнижника».

Кстати, случайно ли, что «блестательная эпоха заведения» началась именно в 1848 году, когда испуг «верхов» французской революцией был усилен испугом населения от начавшейся в Петербурге тем летом страшной эпидемии. Именно тогда «умы, испуганные холерой, старались отвлечься от мрачной мысли и почерпали бодрость в парах шампанского. Сохранилось предание, что никогда на «Минеральных Водах» не откупоривалось такого множества бутылок, как в пожирающее время: из пробок редерера можно было тогда составить мозаичный пол для всего буфета»⁴⁷. «Минеральные воды» даже посетил тогда сам император, чем Излер и спустя годы невероятно гордился.

Но в 1855-м Николай умер. «Эпоха давящего кошмара» мгновенно стала историей. Перестройка, которая очень скоро началась в стране и с которой передовая

⁴⁴ «Сын отечества», 1849, август-сентябрь.

⁴⁵ Чуковский К. «Некрасов». Л., 1926.

⁴⁶ Дружинин А. В. Собр. Соч. СПб, 1867. Т. 8. С. VIII.

⁴⁷ Домоседов И. С. Указ. соч. С. 160.

Pro memoria

публика связывала множество надежд, на излеровский воксал повлияла самым печальным образом. Сначала из газетных заметок исчез восторженный тон. Потом почти исчезли и сами заметки. Потом сильно поредела публика. А может быть, наоборот – сначала публика, потом охладели газеты. Но так или иначе, «Минеральные воды» в одночасье всем надоели. «Транспаранты, хождение фигляров вверх ногами на графинах, живые картины, обезьяны прыжки кабилов, таборный гик и гам – все это стало под конец приторнее лакрицы»⁴⁸. И разлюбленные публикой прежние любимцы мало-помалу один за другим стали исчезать. «Цыганский табор снялся с новодеревенского кочевья в страны, еще не пресыщенные его фурором и более гостеприимные. Грек, говоривший к общему удивлению животом по-французски, по-английски, по-гречески и даже по-русски, также ступевался; тирольская гармоника не нашла себе резонанса в петербургском воздухе и воротилась к родным горам. ...Где стояла Троя, уцелели только воспоминания»⁴⁹. Новая эпоха словно сорвала волшебные очки с глаз публики. Ей открылось, что фантастические поэмы, чарующие грезы, «в сущности, все это фокус промышленности, изворотливость, знание нравов и человеческих слабостей к диковинам, ловкость рук, которая из одного лоскутка бумаги делает и зеркальце, и петуха, и кораблик. Но червячок был хорош, пока не поумнела рыбка. И ничто не воскресит былого одушевления, прежних рукоплесканий и фурора в этом, некогда популярном гульбище»⁵⁰...

Драматичнее всего тогдашний крах «Минеральных вод» сказался на судьбе самого Излера. Акционеры, раздосадованные отсутствием доходов, разорвали с ним контракт до окончания срока аренды. Чтобы расплатиться с долгами, он распродал имущество воксала. «Впрочем, после всех превратностей судеб, даже после возвещенной в газетах продажи с молотка его скамеек, оно все-таки остается лучшим калейдоскопом увеселений между полудюжиной разных вилл, тиволи, мон-плезиров и пр., похожих на него, как всякое подражание похоже на оригинал. И не оскорбим развалин упреками, не будем напоминать промотавшемуся игроку его прежних тильбюри, севрских фарфоров, каремовских обедов. Для многих с этим местом связаны самые дорогие впечатления сердца. Сколько нежных клятв, упреков, обещаний вылетело здесь из-под взволнованных корсетов, когда сумрак аллеи волшебным освещался разноцветными люстрами, гирляндами фонариков, вспышками бенгальских огней и оркестры покрывали своим звуком эти признания»⁵¹.

В одной из дневниковых записей у Дружинина вырвалось неожиданное признание: « Деревня – дрянь, и я отдаю всевозможные красоты природы за раскрашенный кактус из холстины, которые бывали у Излера во время «настоящих индейских ночей». Я был молод, сидя под этим кактусом, и много драм разыграно было под кактусом из крашеной холстины! На что мне ваши жасминовые кусты и белые розы? Они не дадут мне юности, не перенесут на Минеральные воды, не заменят мне холстинного кактуса»⁵².

⁴⁸ Там же. С. 160.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Дружинин А.В. «Повести. Дневник». М., 1986.